

БОЛЬШЕВИКИ И ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В 1918–1920 гг.

*Работа представлена кафедрой новейшей истории России и краеведения
Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского.
Научный руководитель – профессор, доктор исторических наук А. С. Касимов*

В статье характеризуются основные этапы взаимоотношений советской власти и донского казачества, подчеркивается сложность и противоречивость этих взаимоотношений. Автор выявляет причины репрессий советской власти в отношении казачества, показывает специфику расказачивания на Дону.

The article characterises the main stages of relationships of the Soviet power and the Don Cossacks. The author underlines the complexity and inconsistency of these relationships, reveals the reasons for repressions of the Cossacks and shows the specificity of dispossession of the Don Cossacks.

Одной из наиболее важных и спорных тем в истории Гражданской войны является судьба донского казачества. До сих пор исследователи не дают единого ответа на многие вопросы, связанные с политикой советской власти на Дону. Что заставило большевиков начать репрессии против казачества? Был ли геноцид казаков? Кто несет ответственность за невинные жертвы террора? Когда и почему закончилась кампания по расказачиванию?

Весной 1919 г. Красная Армия в ходе тяжелых боев заняла значительную часть территории Войска Донского. Перед большевиками стал вопрос о «замирении» казачества, нормализации отношений между различными группами населения Дона. За-

долго до начала наступления советских войск среди большевистского руководства разрасталась дискуссия об отношении к казачкам. Члены созданного в сентябре 1918 г. Донбюро РКП(б) во главе с С. И. Сырцовым выступали за ликвидацию казачьей автономии, раздел Донской области. Сырцов считал, что казачество представляет собой однородную привилегированную массу, среди которой нет социальных противоречий. Он писал: «Особенность аграрного вопроса в Донской области состоит в том, что крестьянству, с его земельным голодом, приходится обращать взоры не на помещичью землю, а на казачью. Казаки, являясь меньшинством населения Донской области, владеют большей частью земли

(в форме войсковой, юртовой, казачьи паи)... Аграрная революция на Дону должна состоять в полном разрушении экономического базиса казачества – а таковыми... являются казачьи паи. Упразднение этого «паевого земледелия», превращение войсковой земли в общегосударственную... уничтожающей всякую экономическую грань между крестьянами и казаками».

Таким образом, Сырцов предлагал замахнуться на святая святых казачества: на войсковые земли, собственность всего казачьего сословия. Наряду с этой мерой предполагалось также проведение жесткой карательной политики по отношению к недовольным, ликвидация всего уклада казачьей жизни.

Противоположной точки зрения на казачий вопрос придерживались представители Казачьего отдела ВЦИК. В его составе преобладали выходцы из трудовых слоев казачества. Они выражали интересы этих социальных групп. Наиболее полно взгляды Казачьего отдела прописаны в тезисах о политике советской власти на Дону. Предполагалось проводить «...осторожную экономическую политику, резко не затрагивающую жизненных интересов темного середняка». Признавалась необходимость амнистии «...всех трудовых элементов казачества, бессознательно пошедших за буржуазией против Советской власти». Аграрный вопрос предполагалось разрешить путем передачи трудовым казакам и крестьянам земель «контрреволюционных верхов и помещиков». По существу, Казачий отдел ВЦИК выдвинул старые требования трудового казачества о переделе войсковых земель и ликвидации крупного частного землевладения. Оба пути решения казачьего вопроса имели свои достоинства и недостатки.

Позиция Казачьего отдела обеспечивала лояльность казаков к большевистской власти. Однако не учитывались интересы донских крестьян и иногородних, которые требовали раздела войсковых земель между всеми жителями области. Не стоит забы-

вать, что земли, принадлежавшие Войску Донскому, составляли почти 85% всех земель области. Не используя их, невозможно было обеспечить неказачье население землей. Сама жизнь ставила вопрос о разделе войсковых паев, тем более значительная часть их лежала необработанной. Казачий отдел стремился к консервации старых социально-экономических отношений, что в той ситуации было просто невозможно. Можно признать вполне разумным предложение по предоставлению Донскому Войску автономии, созданию Донского правительства с участием беспартийных, сохранению культурно-бытового уклада казаков.

Позиция Донбюро, которая так часто критикуется исследователями, тоже имела рациональную основу. Сырцов и его сторонники прекрасно понимали необходимость ликвидации войсковых земель. Они стремились привлечь на свою сторону иногородних и крестьян, составлявших большинство населения области. Исследователи, критикующие Сырцова за стремление обобществить казачьи земли, не дают ответа на вопрос, как можно обеспечить землей 57% жителей Донской области без раздела казачьих паев, составлявших 85% земельного фонда. Не стоит забывать, что такое вопиющее неравенство в наделении землей было несправедливо и тормозило нормальное развитие хозяйственной жизни в Донской области. В то же время стремление к искоренению казачьего бытового уклада было большой ошибкой. Приверженность руководства Донбюро к террористическим методам не могла не привести к тяжелым последствиям.

Осенью 1918 г. высшее большевистское руководство склонялось к компромиссу с казачеством. 3 сентября был принят декрет СНК о создании советского Войска Донского и Круга Донского советского Войска. Декрет представлял казачеству широкую автономию и создание собственных вооруженных сил. Однако вскоре позиция руководства страны начала меняться. Быстрый

развал красновской армии создавал иллюзию слабости казачества, возможности решить все проблемы насильем. В такой обстановке явно начали преобладать взгляды Донбюро. 24 января на заседании Оргбюро ЦК предлагается народному комиссару земледелия разработать практические меры по переселению бедноты в широком масштабе на казачьи земли.

29 января вышло печально известное циркуляционное письмо-директива Оргбюро ЦК РКП(б) о «рассказывании». По сути, это был план многостороннего переустройства всей социальной жизни Дона путем жестоких репрессивных мер. В циркуляре говорилось: «Необходимо, учитывая опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества...» Предписывалось «провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применить все те меры, которые дают гарантию от каких-либо с его стороны к новым выступлениям...»¹. Письмо-директива предусматривала уравнение иногородних в земельном и иных вопросах, создании из них вооруженных отрядов, полное разоружение казаков, изъятие излишков хлеба и другой сельскохозяйственной продукции.

Авторы директивы явно недооценивали казачество. Они всерьез рассчитывали запугать террором многочисленную, хорошо вооруженную и организованную социальную группу.

В то же время нельзя согласиться с теми современными историками и публицистами, которые называют случившееся геноцидом казачества². Прежде всего «геноцид» – это действия, направленные на уничтожение какой-либо национальной, этнической или расовой группы. Казачество являлось не этнической, а социальной об-

щностью. Те, кто называет рассказывание геноцидом, допускают грубую смысловую ошибку. Тем более что уничтожить всех казаков никто не собирался. Как видно из директивы, предполагалось истребление только казачьей верхушки, к рядовым казакам, которые участвовали в борьбе с большевиками, такая крайняя мера не применялась. Если большевики задумали истребить всех казаков, то непонятно, почему они сурово наказывали местных работников, виновных в жестоком отношении к мирному населению. Даже в самый разгар кампании по рассказыванию не ставился вопрос о поголовном истреблении казаков, боровшихся с советской властью. 10 марта 1919 г. всех пленных предполагалось не расстреливать, а направлять «...с соответствующим конвоем в город Белев Тульской губернии в распоряжение Тульского военкомата»³.

Однако письмо Оргбюро ЦК оставляло широкий простор для произвола на местах. 1 февраля 1919 г. выходит приказ по 9-й армии о поголовном разоружении казаков. 4 февраля выходит приказ по армиям всего Южного фронта о разоружении населения в 24 часа. Все неподчинившиеся подлежали расстрелу.

Много споров среди исследователей вызывает вопрос о причинах издания январской директивы. Ряд историков считает, что Я. М. Свердлов подписал данный документ, не поставив в известность других членов ЦК. А. Мэрфи даже выдвинул идею, что только смерть Свердлова дала возможность приостановить действие директивы⁴. Вызывает сильное сомнение, что другие члены большевистского ЦК не имели отношения к составлению этого документа. Как известно, Ленин очень тщательно вникал во все аспекты внутренней и внешней политики Советского государства. Он не мог не участвовать в разработке этого важнейшего письма-директивы. По крайней мере, глава советского государства не мог не знать о ситуации, складывавшейся на Дону. Не стоит забывать, что вопрос

об отношении к казачеству постоянно обсуждался в высшем советском руководстве. В частности, на заседании ЦК 18 сентября 1919 г. еще раз была подтверждена правильность январской директивы. Это говорит о том, что директива о расказачивании не могла быть единоличной инициативой Свердлова.

Для управления занятой частью Донской области при РВС Южного фронта был образован Отдел гражданского управления. Его главой стал Сырцов. Отделу подчинялись окружные и станичные ревкомы. С приказом РВС № 343 они получили полную свободу действий и независимость от армейских властей. Это дало дополнительные возможности для злоупотреблений и бесконтрольных расправ.

5 февраля издается приказ о создании при каждом полке временного военно-революционного трибунала. На население станиц обрушился шквал репрессий и реквизиций. Это усугублялось злоупотреблениями местных органов власти и насилиями, чинимыми красными войсками.

Командир 1-й стрелковой бригады Ситников докладывал в РВС 1-й стрелковой дивизии 10-й армии: «Доношу, что я со вверенной мне бригадой вступил в станицу Атаманскую, где расположена 1-я бригада 4-й стрелковой дивизии... и 1-й стрелковый Черноярский полк, которые ведут чисто грабительскую жизнь. При въезде моем в станицу... ко мне стали поступать жалобы на стоящую ранее там бригаду, люди которой 2-е суток занимались грабежом, обысками... насиловали женщин...» Ситников предупреждал, что «...такое поведение разложит... Красную Армию и обострит мирных жителей, которые восстанут против Красной Армии, что послужит тяжелым последствием для всех завоеваний трудового народа...»⁵.

Широко известно дело председателя Морозовского ревкома Богуславского, который вместе с подручными убил без суда и следствия около 100 человек.

При расследовании этого вопиющего преступления выяснилось, что «...часто людей расстреливали за то, что у них находились хорошие вещи, понравившиеся членам ревкома...»⁶.

Были зафиксированы случаи проникновения в органы местной власти провокаторов, сознательно стремившихся дискредитировать большевиков.

Справедливости ради стоит отметить, что Сырцов и другие представители беспощадно карали тех, кто пытался использовать террор для личного обогащения. Именно Сырцов выступил за арест и казнь руководителей Морозовского ревкома, виновных в диких расправах с мирными жителями.

В то же время руководители Донбюро несут прямую ответственность за ошибочные действия, послужившие непосредственной причиной резкого ухудшения обстановки. Так, 6 марта Сырцов отдал распоряжение Вешенскому ревтрибуналу провести расследование об обстоятельствах гибели отряда Подтелкова. Всех причастных к этим событиям приказывалось «предать беспощадному революционному суду»⁷. И это при том, что вешенские казаки одними из первых активно выступили против красновского режима. Неудивительно, что уже через пять дней, в ночь на 12 марта, в станицах Казанской и Вешенской вспыхнуло восстание. В рядах восставших было до 15 тысяч человек, в дальнейшем их число удвоилось. Стоит заметить, что высшее большевистское руководство достаточно быстро отреагировало на происшедшее. Уже 16 марта на заседании Центрального Комитета было принято решение о приостановлении действия январской директивы. Многие советские историки, в частности А. П. Ермилин, Д. С. Бабичев, Л. М. Спириин, считали, что это решение завершило кампанию красного террора на Дону⁸. Но это не так. Решение центра натолкнулось на противодействие регионального руководства, прежде всего представителей Донбюро. Только 25 марта

Донбюро довело решение центра до местных органов власти. Главную причину восстания казаков оно видело в недочетах организационной и агитационной работы. В докладе Донбюро так объяснялись причины мятежа: «...ввиду перегруженности работой, вынудившей членов Бюро разъехаться по местам, так и не удалось сообща обсудить этот вопрос. Пришлось только инструктировать районные ревкомы насчет проведения террора... ввиду трений между военными властями и ревкомом, ввиду допущения выборной власти, в которую проникли контрреволюционеры, ... вспыхнуло восстание»⁹. Член РВС 9-й армии Княгницкий в своем докладе в РВС Южного фронта отмечал, что «противник бьет на отчаяние, чувствуя свою гибель, отсюда упорное сопротивление противника. Теперь есть повод думать, что отчаянность казаков объясняется поведением местных ревкомов, которые прямо и неуклонно проводят директивы южфронта и ЦК...». Выход из ситуации, как ни странно, Княгницкий видел в усилении пропагандистской работы среди населения и просил присылки агитационной литературы. Местное руководство не поняло серьезности положения, стремилось подавить восстание террором. 22 апреля 1919 г. на заседании Оргбюро ЦК Сырцов предложил к «...южному контрреволюционному казачеству проводить террор, заселять казачьи хутора выходцами из Центральной России...». Его предложения были приняты. Это свидетельствует о том, что позиция большевистского ЦК была непостоянной, он не мог выработать четкой позиции в казачьем вопросе. С приостановлением январской директивы силовое проведение политики раскачивания не прекратилось.

Между тем восстание на Дону разрасталось. Советские войска были вынуждены выделить значительные силы для подавления мятежа, но это не помогало. Красные части, борющиеся с казаками, начали быстро разлагаться. Документация Южного фронта рисует печальную картину падения

дисциплины и плохой работы штабов. Сводный отряд курсантов потерялся в степях, командование долго не могло найти его. Командир Коммунистического полка докладывал, что не рискнет повести часть в бой, так как она может перейти на сторону врага.

Показательно, что весной 1919 г. восстание запылало в более бедных северных станицах, в отличие от весны 1918 г., когда восстали зажиточные южные станицы. Лозунги вешенских повстанцев не упоминали о казачьем братстве, восстановлении старых, добрых порядков. В их листовках говорилось о построении социализма без коммунистов и комиссаров. Это во многом совпадало с универсалами григорьевцев и махновцев и выражало интересы среднего крестьянства. В то же время было налажено сообщение с войсками генерала Деникина. Положение Южного фронта продолжало неуклонно ухудшаться. Общее наступление белых армий началось в мае 1919 г. Уже 7 июня ударная конная группа генерала Секретова соединилась с повстанческой армией Верхне-Донского округа. Началось отступление советских войск, вскоре перешедшее в бегство. 30 июня пал Царицын. Добровольческая армия заняла Крым, Украину, Донскую область. В августе 1919 г. белые вторгаются в центральные районы Советской России. Занимают Белгород, Курск, Воронеж. Эти успехи во многом были достигнуты благодаря массовому восстанию донских казаков в тылу красных. Сентябрь 1919 г. стал временем наиболее ожесточенных боев на Южном фронте. Деникинское командование разработало план решающего удара на Москву. Красная Армия собирала силы для масштабного наступления. В это тяжелое для революции время большевистское руководство пересматривает свое отношение к казачеству. Теперь ставка делалась не на насилие, а на привлечение трудовой части Донского войска на сторону советской власти. Решающим событием стало объединенное заседание Политбюро и Оргбюро 13 августа 1919 г.

На нем окончательно была признана ошибочной январская директива, признавалось право казаков на свои земли и обычаи. Было составлено «Обращение ко всем казакам», опубликованное 16 августа. Эти события поставили точку в дискриминации казачества.

30 сентября были опубликованы «Тезисы о работе на Дону», которые закрепляли августовские решения руководства партии и служили инструкцией для местных советских властей. В конце февраля 1920 г. состоялся I съезд трудового казачества. Показательно заседание ЦК 20 сентября 1919 г. На нем было предложено не давать командных назначений на Южном фронте и Донской области ряду партийных работников, активно участвующих в расказачивании.

В это время произошел коренной перелом в Гражданской войне на юге. В ноябре 1919 г. Красная Армия одержала решающие победы над Деникиным. Фронт стремительно приближался к казачьим землям. В конце 1919 г. – в начале 1920 г. советские войска снова вошли на территорию Донской области. Здесь разыгрались упорные бои. Особенно ожесточенные сражения произошли под Ростовом и Новочеркасском. Однако дни Добровольческой армии были сочтены. Белые беспорядочно откатывались к Черному морю.

Большевистское руководство учло прежние ошибки и воздержалось от проведения массового террора в занятых казачьих землях, хотя частичное перераспределение войсковых земель в пользу иногородних было осуществлено. Командование советских войск много сделало для предупреждения самовольных реквизиций и насилий над мирным населением. Руководство Округного управления Особой продовольственной комиссии по снабжению 9-й армии писало Временному Донскому исполкому: «...всей агентуре... путем приказа по управлению переданы надлежащие инструкции о порядке и реквизиции излишков хлеба и скота, о недопустимости под стра-

хом судебного преследования огульных реквизиций рабочего и племенного скота... недопустима угроза «расстрелять на месте»...»¹⁰. При вступлении в Донскую область 31 декабря 1919 г. по 8-й армии был издан приказ: «...всем начальникам и командному составу находиться при своих частях, ... всеми мерами установить в занятых городах и казачьих районах блестящий порядок, не допуская со стороны недисциплинированных элементов грабежей»¹¹. 20 марта 1920 г. заведующий секретариатом РВС 9-й армии Рабинович еще раз напомнил тыловым работникам: «...всякие мобилизации в Донобласти приказом фронта запрещены». Строгие меры по поддержанию дисциплины дали свои результаты. Масштабных восстаний, подобных Вешенскому, на территории области больше не было. Разумеется, политический бандитизм имел довольно широкое распространение, но он никогда не угрожал существованию советской власти на Дону.

Тем временем Красная Армия продолжала гнать белых все дальше и дальше. В конце мая большая часть Добровольческой армии была вынуждена сдаться большевикам в Новороссийске. В плен попала значительная часть донцов, не успевших эвакуироваться в Крым. Рядовые казаки были амнистированы. Большинство из них приняло участие в Польской кампании. Масовых расправ над пленными не проводилось. Историк Черницкий, изучивший многие следственные дела, пишет: «Казаки, обвиненные в убийстве пленных красноармейцев, отпускались на основании майской амнистии... Конкретные дела конкретных людей. Причем некоторые обвинялись в убийстве 20 человек»¹².

В заключение следует сделать вывод о том, что политика расказачивания была попыткой коренного переустройства всей социально-экономической жизни Дона. Она была вызвана объективными причинами. Невозможно было разрешить социальные противоречия между казачьим и неказачьим населением Донской области

без раздела войсковых земель. Однако эти мероприятия вылились в массовые репрессии против казачества. Следует уточнить, что полного уничтожения казачества большевистское руководство никогда не планировало. Кампания красного террора на Дону продолжалась с конца января до середины августа 1919 г. Приостановление действия январской директивы в мае 1919 г. не остановило репрессий, что привело к массовым контрреволюционным восстаниям и поражениям красных

на Южном фронте. Ответственность за это несет как центральное большевистское руководство, так и представители советской власти на местах. Только после ухода Красной Армией с территории Донского войска большевики пришли к выводу об ошибочности политики расказачивания. Новый курс был закреплен в «Тезисах о работе на Дону», опубликованных 30 сентября 1919 г. В дальнейшем советская власть стремилась к нормализации отношений с трудовой частью казачества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Медведев Р. А., Стариков С. П.* Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова. М., 1989. С. 154.

² *Кислицын С. А.* Государство и расказачивание 1917–1945 гг. Ростов-на-Дону, 1966; *Устинкин С. В.* Трагедия белой гвардии. Нижний Новгород, 1995.

³ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 100. Оп. 3. Д. 523. Л. 2.

⁴ *Мэрфи А. Б.* О донском восстании в марте-июне 1919 г. // Возрождение казачества: история и современность. Новочеркасск, 1995 г. С. 84.

⁵ РГВА. Ф.100. Оп. 3 Д. 78. Л. 7.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 66. Д. 2. Л. 90.

⁷ РГВА. Ф.100. Оп. 8. Д. 37. Л. 12.

⁸ *Бабичев Д. С.* Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов. Ростов-на-Дону, 1969; *Ермилин А. П.* Революция и казачество. М., 1982; *Стирин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 81. Л. 15.

¹⁰ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 523. Л. 116.

¹¹ РГВА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 75. Л. 16.

¹² *Черницкий П. Г.* Был ли геноцид казаков? // Новые страницы истории Отечества. Ставрополь, 1996. Вып. 1. С. 141.